

перспективы государственного управления, литература о развитии сообществ и эмпирическая литература, описывающая процесс и влияние ГЧП.

Анализ существующей литературы по ГЧП, однако, позволяет выделить несколько лагун, препятствующих более широкому использованию концепции ГЧП в качестве как аналитического инструмента, так и инструмента политических действий:

- отсутствие единства в подходах к самому определению ГЧП;
- непроработанность вопроса о причинах, по которым столь несхожие акторы, как госучреждения, бизнес и элементы гражданского общества, зачастую имеющие противоположные интересы, вступают в партнерские отношения между собой;
- необходимость выделения общих характеристик всех ГЧП, позволяющего использовать концепцию ГЧП в качестве эвристического инструмента;
- отсутствие работоспособного определения так называемых транснациональных ГЧП, препятствующее использованию этой концепции в качестве инструмента анализа мировой политики;
- непроработанность механизмов легитимизации ГЧП на глобальном уровне, не дающая использовать транснациональные ГЧП в качестве работоспособного инструмента политических действий.

В какой-то мере обозначить пути заполнения этих пробелов в политологическом знании и призвана наша работа.

Широкая трактовка подразумевает под ГЧП конструктивное взаимодействие власти и бизнеса не только в экономике, но и в политике, культуре, науке и т.д.

В числе базовых признаков государственно-частных партнерств в узкой (экономической) трактовке можно назвать следующие:

1. Сторонами ГЧП являются государство и частный бизнес.
2. Взаимодействие сторон закрепляется на официальной, юридической основе.
3. Взаимодействие сторон имеет равноправный характер.
4. ГЧП имеет четко выраженную публичную, общественную направленность.
5. В процессе реализации проектов на основе ГЧП консолидируются, объединяются ресурсы и вклады сторон.
6. Финансовые риски и затраты, а также достигнутые результаты распределяются между сторонами в заранее определенных пропорциях¹.

¹ Амуни Д. М. Государственно-частное партнерство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансово емких проектов // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 12. С. 16–24; Гагарин П. А., Двинанин Е. А. Государственно-частное партнерство как инструмент реализации масштабных проектов. Градиент Альфа, 2013.

Как правило, ГЧП предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации общественно значимых проектов.

Подводя итог, мы предлагаем следующее рабочее определение транснациональных ГЧП: транснациональные ГЧП — это постоянные и относительно официальные взаимодействия между государственными и частными организациями, которые формально стремятся к предоставлению общественных благ, при этом частные организации могут быть коммерческими организациями и/или организациями гражданского общества.

Подобное определение позволяет нам сделать выводы и относительно способов повышения легитимности транснациональных ГЧП.

Во-первых, легитимность транснациональных партнерств можно продвигать с помощью привлечения организаций, на которые в значительной степени влияют коллективные решения. Масштаб участия касается вопроса, все ли включенные организации имеют равные возможности для участия.

Второй способ повышения исходной легитимности — установление механизмов отчетности. Отчетность относится к вопросу, кто имеет право требовать отчетности от структур власти. В-третьих, правозащитники совещательной демократии утверждают, что обсуждение повышает первичную легитимность. Проще говоря, легитимность создается, если все организации, на которые влияют решения, участвуют в добровольном и аргументированном процессе и приходят к обоснованному консенсусу вместо сделочного соглашения, которое отражает в первую очередь способность участников к заключению сделок.

О. В. Рябов
Иваново

«РОДИНА-МАТЬ» В ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

«Родина-мать»/«Россия-матушка» — один из важнейших символов русской культуры на протяжении столетий, восходящий к фольклорному образу «матери — сырой земле», — выступает заметным компонентом символической конструкции российской государственности. Цель доклада, построенного на анализе текстовых и визуальных источников, заключается в исследовании исторических предпосылок, причин, форм, акторов

¹ Выполнено в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ “Родины-матери” в символической политике современной России».

и последствий использования данного символа в легитимации и делегитимации власти в современной российской политике.

Образ родной земли является важным элементом легитимации политической системы начиная с древнерусского периода. Родная земля — источник силы, плодородия, изобилия; она кормит всех своих детей, и поэтому те находятся у нее в неоплатном долгу. Образ Родины как матери предполагает специфические отношения между государством и его гражданами, обеспечивая и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя своей страны. Тем самым «Родина» легитимирует образ правителя как Царя-батюшки, который владеет Россией (в соответствии с мифологией иерогамии) и говорит от ее имени. Кроме того, власть репрезентирует оппозицию как не только политических оппонентов, но и врагов Родины, ее неверных детей; в результате политическая и идеологическая инаковость получает маркер нравственной девиации. Тем самым власть получает возможность позиционировать себя как защитницу Родины-матери от внутренних и внешних врагов.

В свою очередь политическая оппозиция использует образ Родины, страдающей от произвола несправедливой власти, который восходит к XVI в. и связан с появлением концепта «Святая Русь» в работах М. Грека и А. Курбского. При этом власть нередко предстает не только несправедливой в социальном отношении, но и чуждой в национальном.

Образ советской Родины-матери, который являлся одним из основных элементов символической политики в Советском Союзе, в перестроечные и первые постсоветские годы был подвергнут деконструкции и в 1990-е ушел из официальной риторики; при этом он активно использовался в дискурсе коммунистической и националистической оппозиции. В нынешней политической системе в отношении к символу «Родины-матери» произошли значительные изменения. Прежде всего этот символ возвращается в официальный дискурс. Так, метафора иерогамии эксплуатируется в обосновании претензий того или иного политика на власть в стране, а образ России — матери всех народов Российской Федерации включается в риторику «Единой России». Как показывают социологические опросы, данные изменения соответствуют социальным ожиданиям большинства граждан страны; эту популярность исследуемого символа пытаются поставить себе на службу различные политические силы.

Полисемантичесность материнского символа России позволяет использовать его как в легитимации власти, так и в ее делегитимации, что обнаруживает себя в период протестов 2011—2013 гг. С одной стороны, данный символ был востребован оппозиционными дискурсами. Так, в рамках конкурса на лучший агитационный плакат под лозунгом ««Единая Россия» — партия жуликов и воров» был представлен плакат, на котором «Родина-мать» обличала правящую партию.

С другой, апелляция именно к исследуемому символу включалась в риторику, направленную на дискредитацию «болотных оппозиционеров» как «разрушителей России» и «агентов Госдепа». Власть сегодня позиционирует себя (по крайней мере, для большинства своих избирателей) как оппонент либерализма, который при этом изображается как сила иноземная, принесящая немало страданий Родине. Поэтому в борьбе с либеральной оппозицией в период «Болотной революции» образ Родины-матери становится достаточно заметным и, по всей вероятности, эффективным.

Заключительная часть исследования посвящена тому, как различные акторы используют символ Родины-матери с целью легитимации и делегитимации власти во внешнеполитической риторике — прежде всего в период украинского кризиса 2013—2015 гг.

Т. Б. Рябова
Иваново

«СТОЛКНОВЕНИЕ МАСКУЛИННОСТЕЙ»? РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МУЖЕСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Доклад посвящен анализу того, как дискуссии о норме и девиации в гендерных отношениях (и прежде всего репрезентации нормативной мужественности) включаются в современный дискурс геополитики.

Гендерная асимметрия, предполагающая соотнесение власти с мужским началом, а подчинения — с женским, обуславливает использование геополитическим дискурсом гендерных образов, символов и метафор для легитимации одних точек зрения и дискредитации других. Иерархически являются отношения не только между полами, но и внутри полов; согласно Р. Коннеллу, маскулинность представляет собой поле конкурирующих дискурсов, где идет борьба за выявление гегемонной и подчиненных маскулинностей. Э. Тикнер, опираясь на эту идею, показала, что соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности. Например, в таком ключе трактовала холодную войну С. Энлоэ: по ее оценке, это было не только противостояние сверхдержав, но и серия поединков за определение, какими должны быть мужественность и женственность.

Привлечение гендерного дискурса к конструированию картины международных отношений происходит в различных формах. Например, через призму конкуренции маскулинностей могут интерпретироваться отноше-